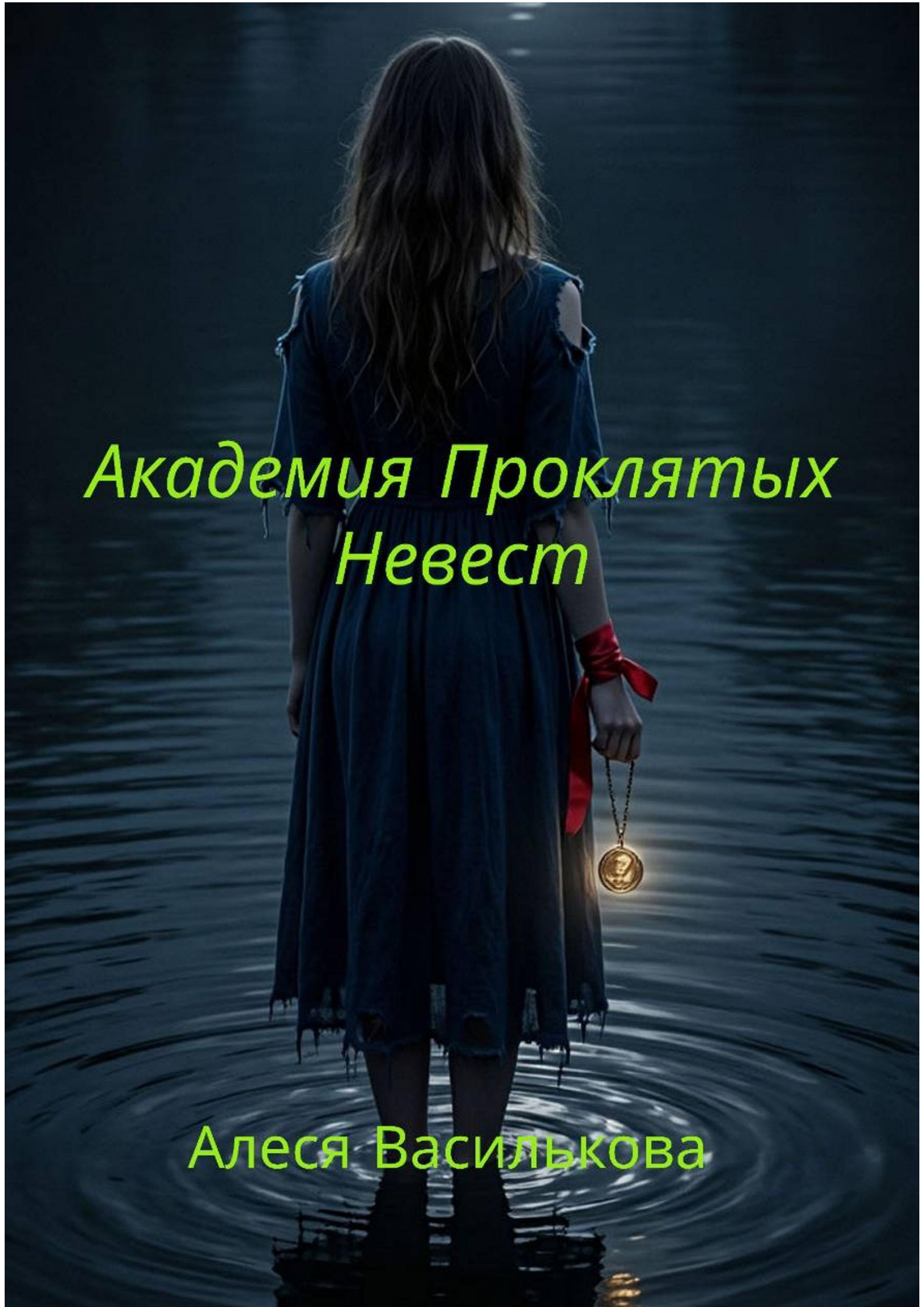

Академия Проклятых Невест
Алеся Василькова

Алеся Василькова

Академия Проклятых Невест

«Автор»
2026

Василькова А.

Академия Проклятых Невест / А. Василькова — «Автор», 2026

Вера Далёкая — пустышка из Нижнего города. У неё нет магии, титула и шансов попасть на отбор невест. Но у неё есть приглашение, добытое в карты, и цель, ради которой она готова рискнуть всем.Год назад её сестра Лида умерла во дворце. «Несчастный случай», — сказали ей. Вера не верит. Единственная зацепка — последнее письмо сестры: «Он не тот, кем кажется. Если со мной что-то случится — ищи в»Чтобы найти убийцу, Вера проникает на отбор, где ей не место. Здесь магия решает всё, а интриги убивают быстрее яда. Её единственный союзник — принц Кайан, некромант собственными тайнами. Он знает больше, чем говорит. И он единственный, кто видел Веру в ту ночь, когда она коснулась древнего артефакта — и камень потемнел.Кто-то во дворце следит за ней. Кто-то оставляет записки с подписью «К». Кто-то хочет, чтобы Вера нашла правду. Или чтобы не нашла.В дворце, где каждый носит маску, правда может стоить жизни. Но Вера уже мертва внутри. Осталось только выяснить, кто из них врёт.

© Василькова А., 2026
© Автор, 2026

Алеся Василькова
Академия Проклятых Невест

Академия Проклятых Невест

Глава 1. Письмо

Дождь начался ещё днём и к вечеру превратился в стену воды.

Вера сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрела, как улица внизу превращается в реку. Нижний город не любил дождь: канализация не справлялась, и вода поднималась до порогов, заливая подвалы и унося то, что плохо лежало. Отец уже час возился внизу, укладывал мешки с песком у двери лавки. Он не звал её на помощь. Знал, что бесполезно.

Вера не спала третью ночь.

На столе — под потрёпанной скатертью, которую она сама вышивала в двенадцать лет, — лежало письмо. Единственное. Последнее.

Она знала его наизусть. Каждую букву, каждую царапину на бумаге, каждое пятно. Но всё равно брала его в руки, разворачивала и читала. Как будто надеялась, что в этот раз слова сложатся иначе.

«Верочка, я нашла доказательство. Не спрашивай, как. Но я знаю теперь, кто он. Он не тот, кем кажется. Если со мной что-то случится — ищи в…»

Дальше — размытое пятно. Вера провела по нему пальцем. То ли вода. То ли кровь. То ли слёзы.

Сестра никогда не плакала. Даже когда их мать умирала — а это длилось долго, почти год, — Лида не плакала. Она держала Веру за руку и говорила: «Дыши. Просто дыши». А потом, когда всё закончилось, вышла во двор и простояла там до утра. Молча. Без слёз.

Вера тогда была совсем мелкой. Двенадцать. Она помнила только запах лаванды — от тела матери — и то, как Лида мыла полы после. Тщательно. До блеска. Как будто могла отмыть что-то ещё.

Письмо пришло за месяц до смерти Лиды. Пришло с дворцовым курьером — Вера до сих пор помнила его лицо: холёное, брезгливое, как у человека, который никогда не был в Нижнем городе и надеялся никогда здесь не оказаться. Он сунул ей конверт, не сказав ни слова, и ушёл. А Вера стояла на пороге и смотрела, как он садится в карету с гербом.

Тогда она не подумала, что это странно. Сестра на отборе невест — конечно, она может писать. Конечно, она может отправить письмо с курьером. Всё логично.

А потом Лида умерла.

«Несчастный случай», — сказал королевский дознаватель. Утонула в пруду. Ночью. Одна. В платье, которое стоило больше, чем их лавка за год.

Вера помнила, как отец тогда сел на пол посреди комнаты и заплакал. Впервые в жизни. Она стояла рядом и не знала, что делать. Двенадцать лет, мать только что похоронили, теперь — сестра. Она не плакала. Просто смотрела, как трясутся плечи отца, и думала: «Кто-то должен заплатить».

Она поднесла письмо к свече. Пламя дрогнуло.

Вера не была глупой. Она понимала: если сжечь письмо, исчезнет последняя ниточка. Последнее слово сестры. Последнее «ищи в…».

Но если оставить — найдут. Обыщут лавку, перевернут всё вверх дном. Она знала, как это делается: видела, как королевские люди приходили в Нижний город за долгами и за неплательщиками. Они не стучатся. Они ломают двери.

Письмо сожгут. А её — посадят. Или хуже.

Вера поднесла бумагу к огню.

Рука дрогнула. Она отдёрнула письмо, затушила тлеющий край пальцами — обожгла, выругалась сквозь зубы.

Три раза за эту ночь.

— Дура, — сказала она себе. — Ты же знаешь, что надо.

Она знала. Но знание и решимость — разные вещи.

Вера встала, подошла к окну, распахнула створку. Дождь ударил в лицо, холодный и чистый. Улица внизу была пуста — только вода, грязь и тусклые окна. Где-то далеко, за стенами Нижнего города, за рекой, за королевским парком, стоял дворец. Она видела его только издалека — белые башни в утреннем тумане. Красивые. Холодные.

Там умерла Лида.

Вера закрыла окно и вернулась к столу.

Она больше не колебалась. Сожгла письмо. Смотрела, как огонь пожирает слова, как буквы скручиваются и чернеют. Когда остался только пепел, она стёрла его в порошок, подошла к окну и высыпала в дождь. Ветер подхватил — и унёс.

Всё. Теперь только в голове.

Она села на кровать, не раздеваясь. За окном дождь бил в стекло, и звук был такой, будто кто-то стучал. Вера знала, что это не так. Но всё равно не спала.

Утром она пойдёт к отцу и скажет: «Я уезжаю».

Он будет кричать. Плакать. Запрещать. А потом — сдастся. Потому что она — всё, что у него осталось. А она — уйдёт.

Вера закрыла глаза.

«Ищи в…» — подумала она. — «Я найду. Кем бы он ни был. Кем бы ты ни был».

За окном дождь не кончался.

Глава 2. Утро

Отец ждал её внизу.

Вера спустилась по скрипучей лестнице и сразу поняла: он не спал. Сидел за прилавком, сгорбившись над чашкой чая, и смотрел в стену. На столе перед ним лежала его рабочая тетрадь — потрёпанная, с загнутыми углами, — но было видно, что он не записывал ничего уже давно.

— Доброе утро, — сказала Вера.

Он поднял голову. Глаза красные.

— Ты не спала.

— А ты спал?

Отец не ответил. Он отодвинул чашку и посмотрел на неё так, как смотрят на человека, которого собираются потерять. Вера знала этот взгляд. Она видела его в тот день, когда умерла мать. И в тот, когда пришло письмо о Лиде.

— Я уезжаю, — сказала она.

Тишина. В лавке пахло пылью, старым деревом и травами — отец торговал амулетами, которые сам же и делал. Подделки, конечно. Настоящая магия была не для таких, как они. Но люди покупали: верили, что если повесить над дверью мешочек с сушёными травами и заговорённой косточкой, то беда обойдёт стороной. Вера никогда в это не верила. Но отец умел продавать надежду.

— Куда, — сказал он. Не вопрос. Приговор.

— На отбор.

Отец медленно закрыл тетрадь. Встал. Он был невысоким, сутулым, с руками в мозолях и вечной трещиной на нижней губе — от привычки кусать. Сейчас эта трещина побелела.

— Ты с ума сошла

— Нет.

— Туда берут только с магией. Ты…

— Я знаю, что я. Пустышка. — Вера произнесла это ровно, без вызова. — Но приглашение есть.

Она достала из-за пазухи сложенную бумагу. Плотная, с золотой печатью. Отец уставился на неё, как на змею.

— Откуда?

— Выиграла в карты.

— В карты. — Он повторил это так, будто она сказала «украла у королевы». — У кого?

— У писаря. Пьяного. Он не помнил своего имени, зато помнил, что у него есть приглашение на отбор для племянницы. Племянница не приехала. Он проиграл.

Отец смотрел на неё долго. Потом сел обратно — медленно, как старик. И закрыл лицо руками.

— Ты хочешь туда пойти, — сказал он в ладони. — Зачем?

Вера молчала. Она знала, что он поймёт. Он всегда понимал — просто не хотел.

— Зачем, Вера.

— Ты знаешь.

Он убрал руки от лица. Глаза были сухие — слёз не осталось, всё выплакано давно. Но в них было что-то хуже слёз.

— Лида тоже хотела, — сказал он тихо. — Помнишь? Как она собиралась? Как примеряла платье? Как говорила, что это шанс? И что из этого вышло?

— Она не сама утонула.

— Вера.

— Она не сама.

Отец встал. Подошёл к ней — близко, так близко, что она почувствовала запах его рубашки: травы, пыль, немного пота. Он взял её за плечи.

— Послушай меня. Послушай. Если ты туда поедешь — тебя тоже найдут в каком-нибудь пруду. Или в реке. Или в канаве. И я останусь один. Совсем. Понимаешь? Совсем.

Вера смотрела ему в глаза. И сказала то, что думала каждую ночь в течение года:

— Если я останусь, я всё равно не буду здесь. Я буду там. С ней. В голове. Каждую минуту.

Отец отпустил её. Отвернулся. Подошёл к прилавку, взял чашку с холодным чаем, отхлебнул. Поморщился. Поставил обратно.

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра.

Он кивнул. Медленно. Как будто соглашался не с ней, а с чем-то своим, глубоко внутри.

— Тогда иди собирайся. Я дам тебе денег. Немного, но хватит на дорогу.

Вера шагнула к нему, хотела обнять. Он отстранился — мягко, но твёрдо.

— Не надо. Потом.

Она кивнула. И пошла наверх.

Сборы заняли полчаса.

У неё было мало вещей. Платье матери — тёмно-синее, с потёртыми локтями, слишком широкое в талии. Она ушьёт его вечером. Нож — тот самый, кухонный, который нужно заточить. Гребень. Моток ниток. И маленький мешочек с монетами — всё, что отец смог дать.

Вера стояла посреди каморки и смотрела на свою жизнь: сундук, кровать, стол, свеча. Всё, что было. Всё, что она оставляла.

Она подошла к сундуку, открыла. На дне, под старыми тряпками, лежала лента. Красная. Шёлковая — настоящий шёлк, не то что их тряпки. Лида оставила её, когда уезжала на отбор. Сказала: «Вернёшь, когда я приеду. Или оставишь себе — если не приеду».

Вера взяла ленту. Провела между пальцами. Шёлк был прохладным и гладким, как вода.

Она повязала её на запястье. Туго. Как браслет.

Потом закрыла сундук.

Вечером она сидела на подоконнике и смотрела, как за окном темнеет. Дождь кончился, но воздух был мокрым и тяжёлым. Где-то внизу отец гремел посудой — готовил ужин. Они не разговаривали с утра. Но она слышала, как он ходит, как открывает шкафы, как бормочет что-то себе под нос.

Вера смотрела на ленту на запястье.

«Ищи в…» — подумала она. — «Я найду. Обещаю».

Завтра — дорога. Послезавтра — дворец. А потом — он.

Глава 3. Дорога

Карета пришла на рассвете.

Вера услышала её раньше, чем увидела: стук колёс по булыжнику, фырканье лошадей, чей-то грубый голос. Она выглянула в окно. У лавки стояла чёрная карета с золотым гербом на дверце — тот же, что был на письме. Тот же, что она видела год назад, когда курьер привёз последнее письмо Лиды.

Отец уже был внизу. Стоял у прилавка, скрестив руки, и смотрел в стену. Он не обернулся, когда она спустилась.

— Ну, — сказал он. — Иди.

— Пап.

— Иди, Вера. — Голос дрогнул, но он выпрямился. — Не заставляй меня смотреть, как ты садишься в эту штуку.

Она подошла, обняла его со спины — быстро, крепко, — и вышла, не оборачиваясь. На пороге споткнулась, но удержалась. Улица была пустой. Только дождь, только грязь, только карета.

Кучер — пожилой, с седой щетиной — оглядел её с ног до головы и хмыкнул:

— Это что, вся поклажа?

Вера подняла свой мешок.

— Вся.

— Ну, садись. Только на сиденье не дыши сильно, оно бархатное. Королевское.

Он засмеялся собственной шутке. Вера не стала.

Внутри кареты пахло кожей и чем-то сладким — то ли духами, то ли цветами. Вера села на край сиденья, прижала мешок к груди и уставилась в окно.

Нижний город проплывал мимо — медленно, как во сне. Знакомые улицы, знакомые лица. Вот пекарня, где она покупала хлеб по утрам. Вот переулок, где её однажды чуть не ограбили — она тогда треснула грабителя по голове кирпичом и убежала. Вот площадь, где отец продавал свои амулеты по праздникам.

Вера смотрела и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Не жалость. Не страх. Что-то среднее.

«Я вернусь», — подумала она. И сама не поверила.

За стенами Нижнего города начался другой мир. Дома стали выше, чище, с черепичными крышами и стеклянными окнами. Улицы — шире. Люди — наряднее. Вера смотрела на них и думала: «Они никогда не видели, как вода поднимается до порогов. Они не знают, как пахнет гниль».

А потом показался дворец.

Она видела его раньше — издалека, с холма за рекой. Белые башни в утреннем тумане, тонкие, как свечи. Красивые. Холодные.

Теперь он был близко.

Карета ехала по длинной аллее, обсаженной деревьями с серебристыми листьями. За деревьями — лужайки, фонтаны, статуи. Вера смотрела во все глаза и ненавидела себя за это. Она не хотела восхищаться. Но не могла.

Дворец был огромным. Ослепительно белым. С окнами, в которых отражалось небо, и лестницами, которые вели в никуда. Вера подумала: «Сколько же здесь комнат?» И тут же: «В какой из них умерла Лида?»

Карета остановилась у главного входа. Кучер открыл дверцу:

— Приехали. Дальше сама.

Вера вышла. Ноги сразу утонули в мягкой траве — она была такой зелёной, что казалась нарисованной. Наверху, у дверей, стояли слуги в ливреях. Они смотрели на неё без интереса, как на мебель.

Вера поднялась по ступеням. Внутри было ещё хуже: мрамор, колонны, люстры. Всё такое чистое, что больно смотреть. Она шла по коридору и чувствовала себя тараканом на белой скатерти.

— Далёкая? — окликнул её распорядитель — худой мужчина с папкой в руках. — Вера Далёкая?

— Да.

Он оглядел её. Платье, мешок, ленту на запястье. Что-то записал в папку.

— Вам на третий этаж. Комната двадцать три. Отбор начнётся завтра. Сегодня — отдых.

Он отвернулся, потеряв к ней интерес.

Вера пошла к лестнице. На полпути она обернулась — просто так, без причины.

И увидела его.

Он стоял в конце коридора, у окна. Тёмный камзол, бледное лицо, руки за спиной. Принц Кайан. Он смотрел прямо на неё — не мимо, не сквозь, а на неё. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у Веры по спине пополз холод.

Она отвернулась первой.

«Кем бы ты ни был», — подумала она, поднимаясь по лестнице. — «Я узнаю».

Глава 4. Невесты

Комната двадцать три оказалась не комнатой, а клеткой.

Маленькая, с одним окном, кроватью под балдахином и зеркалом в полный рост. Вера стояла посреди и смотрела на своё отражение: растрёпанная, в перешитом платье, с мешком у ног. Зеркало было старинное, с трещиной в углу, и в нём её лицо казалось чужим.

Она бросила мешок на кровать. Подошла к окну. Внизу — двор, фонтан, деревья. Где-то там, в этом лабиринте коридоров и лестниц, была комната Лиды. Или была. Теперь, наверное, её занял кто-то другой.

Вера отвернулась.

К обеду её вызвали в общий зал.

Столовая была огромной: длинный стол, свечи, серебро. За столом уже сидели девушки — те самые, с площади. Блондинка с идеальной осанкой. Рыжая с веснушками. Высокая с родинкой над губой. И ещё десяток других: тихих, громких, красивых, не очень.

Вера вошла и остановилась в дверях. Все взгляды — на неё. Кто-то прыснул. Блондинка демонстративно отвернулась.

— Садись, — сказала распорядительница — женщина в сером, с лицом, как у лошади. — Вон там, в конце.

Вера села в конец стола. Перед ней поставили тарелку с чем-то изысканным — она не знала, что это. Маленькие кусочки, зелень, соус. Она взяла вилку и поняла, что не знает, с чего начать.

— Это улитки, — сказала девушка напротив. Худенькая, с короткими тёмными волосами и добрыми глазами. — В чесночном соусе. Не бойся, они вкусные.

Вера посмотрела на неё.

— Спасибо.

— Я Мила. — Девушка улыбнулась. — А ты?

— Вера.

— Ты не из благородных, да?

Вера замерла. Мила тут же замахала руками:

— Ой, прости, я не в том смысле! Просто… — Она понизила голос. — Здесь все либо графини, либо дочки купцов. А ты… ну… — Она запнулась. — У тебя платье перешитое. Я заметила. У меня тоже было перешитое, но я его выбросила перед отбором. Глупо, да?

Вера не знала, что сказать. Она привыкла, что её либо не замечают, либо смеются. Доброта была чем-то новым.

— Не глупо, — сказала она.

Мила просияла.

После обеда всех собрали в большом зале.

Королева сидела на возвышении — худая, с высоким воротником и глазами, которые ничего не выражали. Рядом стоял принц Кайан. Он не смотрел ни на кого. Просто стоял, как статуя, и ждал.

— Первое испытание, — сказала королева. Голос у неё был ровный, как у человека, который говорит по бумажке. — Не магия. Пока — только наблюдательность. Умение видеть то, что скрыто.

Вера навострила уши.

— В этом зале спрятаны десять предметов, — продолжила королева. — Они не принадлежат дворцу. Они были принесены сюда кем-то из вас. Ваша задача — найти как можно больше. На всё — час. Победительница получит… преимущество.

Она не уточнила, какое. Вера заметила, как блондинка улыбнулась — самоуверенно, как человек, который знает больше, чем говорит.

Девушки разошлись по залу. Вера осталась на месте. Она не бросилась искать — она начала смотреть.

Первое, что она заметила: блондинка сразу подошла к камину. Слишком уверенно. Как будто знала, что там что-то есть. Вера проследила за её взглядом — и увидела: за каминной решёткой, чуть блестит, лежит что-то металлическое. Блондинка вытащила это — брошь. Улыбнулась. Записала на листке.

«Она знала», — подумала Вера. — «Откуда?»

Она обвела залом глазами. Рыжая девушка с веснушками стояла у окна и смотрела на шторы. Высокая с родинкой — у книжного шкафа. Мила — растерянно бродила у стены, не зная, с чего начать.

Вера подошла к Миле.

— Посмотри на пол, — сказала она тихо.

— Что?

— Пол. Паркет. Видишь — одна доска светлее остальных?

Мила пригляделась. Потом наклонилась. Поддела ногтем — доска отошла. Под ней лежала маленькая серебряная пуговица.

— Ого, — выдохнула Мила. — Как ты…

— Просто смотри внимательно.

Она отошла. Не хотела, чтобы их видели вместе. Не хотела, чтобы Милу считали её союзницей — пока.

Вера нашла ещё три предмета. Кольцо — в вазе с цветами. Обрывок письма — под скатертью на столе. И маленькую деревянную фигурку — в щели между диванными подушками. Каждый раз она не спешила. Сначала смотрела. Потом проверяла. Потом забирала.

Когда час истёк, у неё было четыре предмета. У блондинки — пять. У высокой с родинкой — три. У Милы — два.

Королева обвела всех взглядом.

— Победительница — леди Аделаида, — сказала она. Блондинка поклонилась. — Она получает право первой выбрать комнату в восточном крыле. Ближе к покоям принца.

Аделаида улыбнулась — медленно, как кошка.

Вера смотрела на неё и думала: «Ты знала, где искать. Кто тебе сказал?»

Вечером она вернулась в свою комнату.

Села на кровать, не раздеваясь. Смотрела на ленту на запястье. Красный шёлк. Сестра.

«Ищи в…» — подумала она. — «Я ищу. Но здесь все играют в свои игры. И я не знаю правил».

В дверь постучали.

Вера напряглась.

— Кто там?

Тишина. Потом — тихий голос, женский:

— Я знала твою сестру.

Вера вскочила. Подбежала к двери, распахнула.

Коридор был пуст.

Глава 5. Тот, кто стучал

Вера выбежала в коридор босиком.

Каменный пол обжёг холодом. Она завертелась на месте — влево, вправо. Коридор был длинный, тускло освещённый редкими свечами в стенных подсвечниках. Тени метались по стенам, как живые. Никого.

— Эй! — крикнула она. Голос утонул в тишине. — Я знаю, что ты здесь!

Тишина. Где-то далеко капнула вода — должно быть, протекала крыша. Вера прошла несколько шагов, вглядываясь в темноту между колоннами. Потом остановилась. Прислушалась.

Ничего.

Она вернулась в комнату, закрыла дверь на засов — хлипкий, декоративный, но хоть что-то — и села на кровать. Сердце колотилось. Руки дрожали.

«Я знала твою сестру».

Голос был женский. Немолодой, усталый. Не Аделаида — та бы не стала шептать под дверью. Не Мила — у той голос звонкий, молодой. Кто-то другой. Кто-то, кто знал Лиду.

Вера просидела так до утра, не сомкнув глаз.

Утром она первым делом пошла к распорядительнице.

Женщина с лошадиным лицом сидела за столом в маленькой комнате, заваленной бумагами, и что-то писала. Когда Вера вошла, она подняла голову и посмотрела так, будто увидела таракана.

— Что тебе?

— Мне нужно посмотреть списки, — сказала Вера. — Тех, кто был на прошлом отборе. Год назад.

Распорядительница отложила перо.

— Зачем?

— Я... — Вера запнулась. Нельзя говорить правду. — Я хочу знать, какие испытания были. Чтобы подготовиться.

Женщина смотрела на неё долго. Потом усмехнулась — коротко, без веселья.

— Списки не для участниц. Иди отсюда.

— Но...

— Иди. Или я напишу королеве, что ты нарушаешь порядок. А королева, — она выделила это слово, — не любит нарушителей.

Вера вышла.

В коридоре она остановилась, прислонилась к стене. Внутри кипело. «Списки не для участниц». Конечно. Всё здесь не для таких, как она.

Она пошла обратно в свою комнату — и по дороге заметила приоткрытую дверь в конце коридора. Из-за неё доносился женский голос — тихий, но отчётливый. Вера замедлила шаг. Прислушалась.

— ...она слишком много знает. Если она начнёт копать...

Второй голос — тоже женский, но старше:

— Тогда сделай так, чтобы не начала. Ты знаешь, как это делается.

Пауза.

— Я не хочу, чтобы ещё одна утонула.

Вера замерла.

Голоса стихли. Шаги. Она метнулась к своей двери, юркнула внутрь, прикрыла её — почти беззвучно. Прижалась спиной к стене. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в коридоре.

«Ещё одна утонула».

Значит, Лида не была первой. И не будет последней.

Днём она нашла Милу в саду.

Та сидела на скамейке у фонтана, ела яблоко и болтала ногами. Увидев Веру, заулыбалась:

— О, привет! Ты чего такая бледная?

Вера села рядом. Огляделась — никого поблизости. Только деревья, фонтан и птицы.

— Мила, — сказала она тихо. — Ты знаешь кого-нибудь, кто был на прошлом отборе?

Мила перестала жевать.

— На прошлом? Ну... — Она задумалась. — Говорят, там была девушка из восточного крыла. Тихая такая. Она не прошла дальше первого тура, но осталась во дворце. Работает теперь где-то в библиотеке. Говорят, она... странная.

— Как её зовут?

— Не знаю. Но её легко найти. Она всегда в библиотеке. Сидит там с утра до ночи. — Мила понизила голос. — Говорят, она видела что-то на том отборе. Что-то, о чём не рассказывает.

Вера встала.

— Спасибо.

— Погоди! — Мила схватила её за рукав. — Ты куда? Вера, что происходит?

Вера посмотрела на неё. Добрая, наивная Мила. Если она втянет её в это, Мила тоже может оказаться в пруду.

— Ничего, — сказала она. — Мне просто нужно в библиотеку.

Библиотека была на первом этаже, в западном крыле. Вера шла туда через анфиладу комнат, где висели портреты королей и королев. Мрачные лица, тёмные рамы. Никто не улыбался. Вера подумала: «А принц Кайан тоже будет таким через сто лет?»

В библиотеке пахло пылью и старыми книгами. Высокие стеллажи уходили под потолок. Свет едва пробивался сквозь узкие окна. Вера прошла между рядами, вглядываясь в тени.

Она нашла её в самом конце — у окна, за столом, заваленным книгами. Женщина лет сорока, с седыми прядями в тёмных волосах, в простом сером платье. Она подняла голову, когда Вера подошла.

Глаза у неё были усталые. И испуганные.

— Ты, — сказала женщина. — Я знала, что ты придёшь.

Вера села напротив.

— Вы знали мою сестру.

Женщина оглянулась — быстро, нервно. Потом наклонилась через стол.

— Не здесь. Слишком много ушей.

— Где?

— Сегодня в полночь. В старой оранжерее. За западным крылом. — Она схватила Веру за руку. Пальцы у неё были холодные. — И не говори никому. Даже той доброй девочке, с которой ты разговаривала в саду. Особенно ей.

Вера вырвала руку.

— Почему?

Женщина посмотрела ей в глаза.

— Потому что здесь никто не тот, кем кажется.

Глава 6. Оранжерея

До полуночи Вера не сомкнула глаз.

Она лежала на кровати, не раздеваясь, и смотрела в потолок. Свеча догорела. В комнате было темно, только луна рисовала на полу квадрат окна. Вера считала удары сердца и ждала.

В половине двенадцатого она встала.

Туфли оставила под кроватью — в них слишком шумно. Пошла босиком. Платье подобрала, чтобы не шуршало. Дверь открыла медленно, по миллиметру, прислушиваясь к каждому скрипу.

Коридор был пуст. Свечи в подсвечниках почти догорели, и тени стали длинными, как пальцы. Вера шла вдоль стены, держась за неё рукой. Каменные плиты были холодными, как лёд.

Западное крыло она нашла быстро — по указателям, которые днём казались просто украшением. Оранжерея была в самом конце: стеклянная дверь, за ней — темнота и запах сырой земли.

Вера толкнула дверь. Та поддалась с тихим скрипом.

Внутри было теплее. Пахло землёй, листьями и чем-то сладким — цветы. Много цветов. В лунном свете они казались чёрными, и только некоторые — бледными, как призраки. Вера прошла между рядами горшков. Где-то капала вода. Где-то шуршали листья — то ли ветер, то ли мыши.

— Вы здесь? — позвала она шёпотом.

Тишина.

Вера сделала ещё несколько шагов. И тут же кто-то схватил её за локоть.

Она дёрнулась, замахнулась — но рука библиотекарши перехватила её запястье.

— Тише, — прошипела женщина. — Это я.

Вера выдохнула.

— Вы меня напугали.

— Прости. — Женщина огляделась. — Идём вглубь. Там окна нет.

Они прошли между рядами и остановились у стены, увитой плющом. Здесь было почти темно. Библиотекарша села на перевёрнутый ящик, жестом показала Вере на другой.

— Меня зовут Эльза, — сказала она. — Я работала на прошлом отборе. Помогала с документами, с расписанием. И я видела твою сестру.

Вера подалась вперёд.

— Расскажите.

Эльза помолчала. Потом заговорила — тихо, ровно, как человек, который повторял это про себя много раз.

— Лида была не такой, как остальные. Не гналась за принцем. Не интриговала. Она... наблюдала. Как ты. — Эльза посмотрела на неё. — Она заметила, что некоторые девушки получают подсказки перед испытаниями. Кто-то во дворце помогал избранным.

— Кто?

— Я не знаю. Она не сказала. Но она нашла доказательство. — Эльза понизила голос. — Что-то, что можно было предъявить королеве. Что-то, что доказывало, что смерть одной из участниц — не случайность.

Вера замерла.

— Смерть? До Лиды тоже кто-то умер?

Эльза кивнула.

— Девушка из северного графства. Тихая, незаметная. Утонула в пруду. Сказали — несчастный случай. Но Лида говорила, что это не так. Она видела... — Эльза запнулась. — Она видела, как кто-то выходил из сада в ту ночь. Кто-то, кто не должен был там быть.

— Кто?

— Она не сказала мне. — Эльза сжала руки. — Она сказала только, что это кто-то из приближённых королевы. И что она спрятала доказательство. В тайнике.

Вера наклонилась ближе.

— Где?

Эльза оглянулась. Даже здесь, в темноте, ей было страшно.

— Она сказала: «Если со мной что-то случится, ищи в старом крыле. Там, где часы остановились». — Эльза посмотрела на Веру. — Я не знаю, что это значит. Я не совалась. Я... я испугалась.

Вера откинулась назад. «Там, где часы остановились». Старое крыло. Часы.

— Почему вы не рассказали никому? — спросила она.

— Кому? — Эльза горько усмехнулась. — Королеве? Она бы меня first же и утопила. Дознавателю? Он — её человек. Я осталась здесь, в библиотеке. Тихо. Незаметно. Ждала.

— Чего?

— Тебя.

Вера смотрела на неё. В темноте лицо Эльзы казалось вырезанным из дерева — резкие тени, усталые глаза.

— Я не знаю, смогу ли, — сказала Вера.

— Сможешь. — Эльза встала. — Ты уже здесь. Ты уже ищешь. Просто будь осторожна. Тот, кто убил твою сестру, всё ещё во дворце. И он знает, что ты приехала.

Она шагнула в темноту — и исчезла, будто её и не было.

Вера осталась сидеть на ящике. Вокруг капала вода. Шуршали листья. И где-то далеко, в глубине дворца, часы пробили полночь.

Она вернулась в комнату только под утро.

Легла на кровать, не раздеваясь. Смотрела в потолок. В голове крутилось: «Старое крыло. Там, где часы остановились».

Она не знала, где это. Но она найдёт.

В дверь тихо постучали.

Вера замерла. Не снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.